

Не менее остро стоит проблема потенциального конфликта интересов представителя государства при голосовании в соответствии с письменно согласованной позицией органа, осуществляющего владельческий надзор, в ущерб интересам хозяйственного общества, ведь частные интересы хозяйственного общества и публичные интересы государства совпадают далеко не всегда. Так, занимая руководящую должность в концерне, курирующем соответствующую отрасль хозяйства в целом, представитель государства поставлен перед выбором либо руководствоваться экономическими интересами самого хозяйственного общества, будучи членом его наблюдательного совета, либо поддерживать позицию своего концерна, которая нивелирует такие интересы. Кроме того, ситуация конфликта интересов может возникнуть, когда личные интересы государственного служащего, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение им функций представителя государства (предположим последующее трудоустройство в данное хозяйственное общество после увольнения с государственной службы).

Представляется, что эффективное управление принадлежащими государству акциями (долями в уставных фондах) хозяйственных обществ невозможно без пересмотра существующей системы выбора и назначения представителей государства в органы управления хозяйственных обществ.

С одной стороны, такой пересмотр видится в запрете назначения в качестве представителей государства государственных служащих, которые по основной государственной должности осуществляют контроль, руководство или принятие решений, затрагивающих интересы хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству (например, заместителя руководителя концерна не следует назначать представителем государства в одно из ОАО, входящее в состав данного концерна).

С другой стороны, белорусскому законодателю целесообразно предусмотреть возможность избрания независимых директоров в совет директоров акционерного общества, акции которого принадлежат государству, а также подробно урегулировать вопросы, связанные с деятельностью лиц, выполняющих полномочия представителя государства на основании гражданско-правового договора, заключенного ими с органом, осуществляющим владельческий надзор.

УДК 347.952 (476)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ ПРОВОДИМОЙ РЕФОРМЫ

В.П. Скобелев,

доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. №530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» (далее – Указ №530) ознамено-

вал собой начало реформирования функционировавшей в стране системы принудительного исполнения. В развитие начатой реформы Советом Министров Республики Беларусь 31 декабря 2013 г. было принято постановление от №1190 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. №530», утвердившее Положение об органах принудительного исполнения судебных постановлений (далее – Положение об органах принудительного исполнения) и иных исполнительных документов и Положение о порядке использования средств, дополнительно полученных при принудительном исполнении судебных постановлений и иных исполнительных документов. Затем 1 июля 2014 г. Главой государства были подписаны Законы №174-З и №175-З, которые внесли значительные изменения в разделы об исполнительном производстве соответственно ХПК и ГПК.

Очевидно, что осуществленные преобразованиями требовали соответствующей корректировки и других очень важных нормативных правовых актов, регулирующих исполнительное производство, – Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 20 декабря 2004 г. №40 (далее – Инструкция №40), и Инструкции по исполнительному производству в хозяйственных судах Республики Беларусь, утвержденной постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 ноября 2009 г. №21 (далее – Инструкция №21). В Инструкцию №40 подобные изменения действительно было внесены, наиболее крупные и значимые из которых связаны с принятием Министерством юстиции Республики Беларусь постановлений от 19 сентября 2014 г. №196 (далее – постановление №196) и от 30 ноября 2015 г. №201 (далее – постановление №201).

Вместе с тем Инструкция №21 с момента начала реформы системы принудительного исполнения никаких изменений не претерпела. На первый взгляд, такое положение вещей обусловлено тем обстоятельством, что в результате другой недавно проведенной реформы – реформы судоустройства – был упразднен орган, утвердивший Инструкцию №21, – Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь. Однако из содержания подп.2.5 п.2 Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. №6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» следует, что полномочия Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь перешли к Верховному Суду Республики Беларусь, а значит, именно Верховный Суд должен был обеспечить приведение Инструкции №21 в соответствие с иными нормативными правовыми актами. Тем не менее, этого не произошло. Вероятнее всего, в данном вопросе Верховный Суд руководствовался такой позицией: коль скоро в ходе реформы органы принудительного исполнения были отделены от судов, то последние (в лице их высшей инстанции) утратили все полномочия по регулированию деятельности первых. Точка зрения весьма логичная, хотя и не бесспорная. Но тогда в этом случае Верховному Суду следовало признать постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда, которым была утверждена инструкция №21, утратившим силу, а Министерству юстиции Республики Беларусь – обеспечить регулирование исполнительного производства в отношении экономических дел.

Кстати, определенным шагом в этом направлении можно было бы считать постановление №196: этим постановлением п.1 Инструкции №40 (посвященный общим положениям данного нормативного правового акта) был изложен в такой новой редакции, которая дает повод считать, что Инструкция №40 теперь определяет условия и порядок исполнения исполнительных документов по абсолютно любым делам (напомним, что ранее в п.1 прямо указывалось, что Инструкция №40 имеет отношение только к исполнительному производству по гражданским делам). Однако анализ содержания всех последующих пунктов Инструкции №40 показывает, что предмет ее регулирования не изменился – это по-прежнему исполнительное производство лишь по гражданским делам.

Таким образом, поскольку Инструкция №21 с момента начала реформы исполнительного производства не приобрела никаких новых правил, в дальнейшем мы обратимся к анализу лишь положений Инструкции №40, в частности, анализу появившихся в ней новелл. При этом мы опустим рассмотрение новаций тривиального характера (связанным с дублированием в Инструкции №40 многих новых норм Указа №530, ГПК и Положения об органах принудительного исполнения) и сосредоточим основное внимание только на тех новеллах, которые носят спорный или не совсем продуманный характер и которые, следовательно, могут оказать негативное влияние на защиту прав и законных интересов граждан и иных субъектов в ходе исполнительного производства.

Как уже было отмечено выше, внесенные в п.1 Инструкции №40 изменения являются не совсем удачными. При этом для такой их оценки имеется и еще один повод. В настоящее время п.1 Инструкции №40 фактически раскрывает структуру органов принудительного исполнения, хотя более подходящее место для регламентации данного вопроса – это глава 2 Инструкции №40 «Условия действий судебного исполнителя». Прежняя редакции п.1 Инструкции №40 в гораздо большей мере соответствовала наименованию главы, в которой данный пункт находится («Общие положения»), поскольку оговаривала, на основании каких нормативных правовых актов разработана Инструкция №40 и каковы задачи исполнительного производства. К сожалению, в результате принятия постановления №196 регулирование двух последних вопросов из Инструкции №40 полностью исчезло.

Целый блок весьма спорных моментов связан с регулированием в Инструкции №40 вопросов компетенции суда и судебного исполнителя. Прежде всего следует сказать, что ни одним из постановлений Министерства юстиции Республики Беларусь, которыми в Инструкцию №40 после начала реформы вносились изменения, так и не был четко решен вопрос о разграничении родовой компетенции между органами принудительного исполнения разных уровней – республиканского, областного и районного. Дело в том, что из содержания раздела IX ГПК, а также Положения об органах принудительного исполнения не понятно, в орган принудительного исполнения какого уровня следует обращаться взыскателю для возбуждения исполнительного производства [1, с. 80; 2, с. 908]. В этом плане большие надежды возлагались на то, что проблема наконец-то будет решена в Инструкции №40. Однако внесенные в Инструкцию №40 изменения яс-

ности по этому вопросу ничуть не прибавили. Так, из содержания новой редакции п.1 Инструкции №40 следует, что полномочиями по исполнению исполнительных документов в равной мере обладают органы принудительного исполнения всех трех уровней, а п.14 Инструкции №40, изложенный в новой редакции постановлением №201, по-прежнему регулирует лишь вопросы разграничения территориальной компетенции органов принудительного исполнения и порядок решения некоторых связанных с этим проблем.

Постановлением №201 в п.5 Инструкции №40 было уточнено, что к компетенции судебного исполнителя относятся «все вопросы по исполнительному производству, за исключением вопросов, отнесенных Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь к компетенции суда». Следует, однако заметить, что это формулировка не совсем верна, т.к. компетенция суда в исполнительном производстве может определяться не только ГПК, но и другими нормативными правовыми актами, в частности, актами Главы государства, которые, как известно, обладают по сравнению с кодексами большей юридической силой и потому могут иначе регулировать вопросы исполнительного производства, нежели это предусмотрено в ГПК. К слову сказать, в отношении полномочий судебного исполнителя в п.5 Инструкции №40 указано, что они могут закрепляться как ГПК, так и «иными актами законодательства».

Изменения, внесенные постановлением №201 в ч.5 п.6 Инструкции №40, наделили судебного исполнителя правом выносить постановление о приводе должника (до этого момента там речь шла о том, что в случае уклонения должника от явки судебный исполнитель мог лишь внести представление судье о вынесении определения о приводе). Нормы о праве судебного исполнителя выносить постановление о приводе должника появились также в ч.1 п.9, ч.1 п.10 и главе 7 Инструкции №40. Вместе с тем несмотря на всю важность и необходимость наделения судебного исполнителя указанным полномочием, согласиться с приведенной новеллой нельзя, поскольку она противоречит ч.2 п.14 Указа №530, ст. 169, ч.1 ст. 527 ГПК. По смыслу ч.2 п.14 Указа №530 к органам принудительного исполнения переходят (за некоторыми исключениями) только те полномочия суда в сфере исполнительного производства, которые предусмотрены разделом IX ГПК. Но в разделе IX ГПК право суда на решение вопроса о приводе должника как таковое не закреплено. В ч.1 ст. 527 ГПК говорится лишь о том, что «к должнику, уклоняющемуся от явки к судебному исполнителю, могут быть применены меры, предусмотренные статьей 169 настоящего Кодекса». Статья же 169 ГПК находится за пределами раздела IX ГПК и полномочие по решению вопроса о приводе участников гражданского процесса относит к исключительной компетенции суда. Отсюда следует, что решение вопроса о приводе должника по-прежнему находится в ведении суда. Безусловно, в контексте осуществленных организационных преобразований системы принудительного исполнения это не совсем удобно, тем более что ст. 169 ГПК говорит о приводе участника процесса не в орган принудительного исполнения, а в суд. Поэтому судебного исполнителя действительно было бы целесообразно наделить правом вынесения постановления о приводе должника, на что мы уже неоднократно обращали

внимание [1, с. 79; 3, с. 37]. Однако для этого нужно внести изменения в первую очередь в ГПК, и лишь потом – в Инструкцию №40, но никак не наоборот.

Постановление №201 ввело в Инструкцию №40 норму о том, что «при наличии письменного ходатайства должника и достаточных оснований судебный исполнитель вправе разрешить перечисление денежных средств с текущего (расчетного) счета» (см. ч.3 п.9). Нужно заметить, что норма является очень неконкретной – совершенно непонятно, в какой ситуации и почему у судебного исполнителя появляется право давать разрешение должнику на перечисление средств с текущего счета последнего. Иными словами, создается впечатление, что норма была вырвана из какого-то контекста и без должного осмысления и обработки перенесена в Инструкцию №40. Только из содержания примерной формы соответствующего разрешения, установленной приложением 2-1 к Инструкции, можно понять, что необходимость получения разрешения судебного исполнителя возникает в той ситуации, когда ранее им было осуществлено приостановление операций по текущим счетам должника. Правда, продолжает оставаться неясным, что следует считать достаточными основаниями для получения разрешения и, кроме того, как анализируемая норма соотносится с Указом Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. №267 «О некоторых вопросах осуществления расходных операций и внесении дополнений и изменения в Указ Президента Республики Беларусь от 29 июня 2000 г. №359». Скорее всего, правило ч.3 п.9 Инструкции №40 было введено в развитие положений данного Указа, но тогда об этом так прямо и нужно было написать, в частности, сделать в норме (или хотя бы в примерной форме разрешения) ссылку на этот Указ.

Значительные изменения постановлениями №196 и №201 были внесены в п.10 Инструкции №40. В частности, можно приветствовать то, что в этом пункте был значительно расширен примерный перечень постановлений, которые вправе выносить судебный исполнитель, а также появилось указание на то, какие постановления может выносить главный судебный исполнитель. При этом присутствие в перечне некоторых постановлений фактически говорит о появлении у судебных исполнителей новых полномочий (постановления об исправлении описок, опечаток и арифметических ошибок, об обращении взыскания на электронные деньги и, находящиеся на электронном кошельке должника). Вместе с тем по поводу п.10 Инструкции хотелось бы высказать и некоторые замечания. Так, подавляющее большинство из приведенных в нем видов постановлений сопровождаются ссылками на их примерные формы в приложениях к Инструкции №40 (такие ссылки даны или в самом тексте п.10, или иных пунктах Инструкции №40). Однако для отдельных видов постановлений, названных в п.10 Инструкции №40, примерные формы так и не были установлены, в частности, для постановлений о приостановлении операций по счетам, о принятии мер по обеспечению исполнения, постановлений, выносимых главным судебным исполнителем.

Вызывает также большие сомнения оправданность переименования постановления «о направлении исполнительного документа в другой орган принудительного исполнения» в постановление «об изменении места совершения исполнительных действий», поскольку новое наименование создает неверное

представление о сути этого постановления. Дело в том, что место совершения исполнительных действий как таковое не может быть изменено по волеизъявлению судебного исполнителя, оно меняется независимо от его воли вследствие изменения места жительства (места пребывания) или места нахождения должника и его имущества (см. ст. 483 ГПК). В такой ситуации волеизъявление судебного исполнителя может состоять лишь в направлении исполнительного документа в другой орган принудительного исполнения, что и должно быть отражено в наименовании соответствующего постановления.

Постановлением №201 в ч.7 п.10 Инструкции была продублирована норма ч.1 ст. 479 ГПК о порядке обжалования (опротестования) постановлений судебного исполнителя. Однако норма ч.1 ст. 479 ГПК страдает некоторой неопределенностью: указывая на необходимость обжалования (опротестования) постановлений в вышестоящий орган принудительного исполнения (вышестоящему должностному лицу), она в то же время не определяет, когда необходимо обращаться в вышестоящий орган, а когда – к вышестоящему должностному лицу. К сожалению, данная неопределенность в ч.7 п.10 Инструкции №40 (равно как и в других структурных элементах Инструкции №40) преодолена не была, хотя сделать это было не сложно. Так, разъяснения по анализируемому вопросу были даны в одном из писем Министерства юстиции Республики Беларусь [4], положения которого, на наш взгляд, и следовало инкорпорировать в Инструкцию №40.

Изложив в новой редакции п.14 Инструкции №40, постановление №201 предоставило судебным исполнителям право с письменного разрешения руководителя вышестоящего органа принудительного исполнения – главного судебного исполнителя области (г. Минска) или Главного судебного исполнителя Республики Беларусь – совершать исполнительные действия вне территории юрисдикции «своего» органа принудительного исполнения (см. ч.4 п.14). С одной стороны, данная новелла кажется вполне оправданной, однако с другой – вызывает определенные возражения. Во-первых, столь значительное расширение компетенции судебных исполнителей следовало первоначально оговорить на законодательном уровне (в ГПК) и только потом – в подзаконном правовом акте (Инструкции №40). Именно по причине отсутствия в ГПК подобных норм п.14 Инструкции содержал правило (впоследствии исключенное из него постановлением №201) о том, что «по возбужденному исполнительному производству судебный исполнитель не может проводить исполнительные действия вне обслуживаемой территории», а если должник имеет имущество на территории другого района, то «орган принудительного исполнения, в который первоначально поступил на исполнение исполнительный документ, на основании постановления поручает совершение отдельных исполнительных действий другому органу принудительного исполнения».

Во-вторых, в приложениях к Инструкции №40 было бы целесообразно закрепить форму представления, которое судебный исполнитель должен направлять руководителю вышестоящего органа принудительного исполнения для получения соответствующего письменного разрешения. В-третьих, поскольку, как следует из ч.5 п.14 Инструкции №40, руководитель вышестоящего органа принудительного исполнения имеет право отказать в удовлетворении представления, было бы разум-

но в целях предупреждения возможных злоупотреблений нормативно закрепить основания, по которым может последовать такой отказ.

Согласно ч.5 п.14 Инструкции №40 «в случае получения отказа на исполнение исполнительного документа вне юрисдикции органа принудительного исполнения судебным исполнителем выносится постановление о совершении отдельного исполнительного действия». При этом остается неясным, кто будет исполнять это постановление – судебный исполнитель, который его вынес, или судебный исполнитель другого органа принудительного исполнения (по месту нахождения должника или его имущества). Лишь путем логических рассуждений, а также опираясь на содержание примерной формы постановления о совершении отдельного исполнительного действия, установленной приложением 7-5 к Инструкции №40, можно прийти к выводу, что правильным является именно второй вариант толкования. Но тогда соответствующее постановление есть не что иное, как постановление о выполнении поручения, а не постановление о совершении отдельного исполнительного действия, и данный момент нужно было бы четко отразить в Инструкции №40. Между тем по неизвестным причинам мы имеем совершенно противоположную тенденцию – все нормы и упоминания о поручениях из п.14, а также п.37 Инструкции №40 были постановлением №201 почему-то исключены.

Новая редакция п.14 Инструкции №40 предусматривает также возможность передачи исполнительных производств из нижестоящих в вышестоящие органы принудительного исполнения (см. ч.7, 8 п.14). По нашему мнению, такую возможность тоже следовало изначально легализовать на уровне законодательного акта – ГПК, поскольку передача исполнительного производства в вышестоящий орган принудительного исполнения существенно затрагивает интересы сторон исполнительного производства, в частности, не самым лучшим образом сказывается на территориальной доступности для них органа принудительного исполнения и находящихся в нем материалов исполнительного производства. Кроме того, основание для указанной передачи – нахождение имущества должника на территории юрисдикции нескольких органов принудительного исполнения – как представляется, совпадает с основанием, по которому судебный исполнитель вправе просить разрешения на совершение исполнительных действий вне пределов юрисдикции «своего» органа принудительного исполнения, что закономерно порождает вопрос, какое именно из двух названных правил следует применять при наличии соответствующего основания.

До принятия постановления №201 в ч.3 п.14 Инструкции №40 содержалось правило, дублирующее норму ч.2 ст. 483 ГПК. Постановление №201 переместило это правило в ч.9 п.14 Инструкции №40, причем изменило его редакцию таким образом, что теперь оно не в полной мере согласуется с ч.2 ст. 483 ГПК. Так, из него исчезла оговорка о том, что передача исполнительного документа в другой орган принудительного исполнения допустима лишь в случае, если по прежнему месту исполнения не осталось имущества должника. Анализируемое правило говорит о направлении в другой орган принудительного исполнения исполнительного производства в целом, в то время как ч.2 ст. 483 ГПК – о направлении лишь исполнительного документа. Наконец, ч.9 п.14 Инструкции №40 на-

зывает соответствующее постановление судебного исполнителя постановлением об изменении места совершения исполнительных действий, хотя ч.2 ст. 483 ГПК такого наименования не использует, более того, данное наименование, как уже было отмечено выше, неверно отражает суть этого постановления судебного исполнителя.

Постановлением №196 в ч.4 п.142 Инструкции №40 термин «суд» был заменен на «судебный исполнитель». Сделано это было по причине того, что аналогичные изменения были осуществлены в норме ч.2 ст. 537 ГПК, содержание которой ч.4 п.142 Инструкции как раз и воспроизводит. Вместе с тем согласиться с такой новацией достаточно сложно, поскольку еще при корректировке ч.2 ст. 537 ГПК законодателем была допущена ошибка, а затем она без должного критического осмысления была перенесена в ч.4 п.142 Инструкции №40. Дело в том, что уполномочие другого лица или самого взыскателя на совершение действий по исполнению с отнесением соответствующих расходов на должника есть не что иное, как изменение способа исполнения (в этом плане мы корректируем свое ранее высказанное мнение, что здесь имеет место изменение порядка исполнения [3, с. 40]), а изменение способа исполнения согласно ч.2 ст. 329 ГПК относится к исключительной компетенции суда.

Можно привести и другие примеры некритического воспроизведения в Инструкции №40 положений иных нормативных правовых актов. Так, постановлением №196 в абз.10 ч.1 п.9 Инструкции №40 была перенесена норма абз.18 п.29 Положения об органах принудительного исполнения о том, что судебный исполнитель вправе с использованием электронного документооборота и информационных технологий производить рассылку процессуальных документов. Между тем по смыслу ст. 108 ГПК составляемые судебным исполнителем документы должны носить наименование не процессуальных (ведь процессуальные документы исходят от юридически заинтересованных в исходе дела лиц), а судебных. Безусловно, ввиду отделения органов исполнения от судов употреблять термин «судебный» в отношении составляемых судебным исполнителем документов не совсем логично. Но тогда эти документы в абз.10 ч.1 п.9 Инструкции №40 можно было бы именовать просто документами без добавления слова «судебные», как, например, это имеет место в ч.12 п.23 Инструкции №40: употребленный в этой норме термин «судебные документы» был заменен на термин «документы», причем замена была произведена тем же самым постановлением №196.

Регулирование условий деятельности судебных исполнителей в Инструкции №40 изменилось тоже не всегда в лучшую сторону. В частности, постановлением №196 весьма объемный п.3 Инструкции №40 был сокращен до одного абзаца, вследствие чего из Инструкции №40 исчезли нормы, предусматривавшие возможность организации работы судебных исполнителей на основе принципов зональности и специализации, возможность группового выхода (выезда) судебных исполнителей по месту жительства (месту пребывания) или месту нахождения должника либо его имущества.

Постановлением №201 из абз.11 п.9, ч.1 п.22 Инструкции была исключена оговорка о том, что технические средства (аудио- и видеозапись, кино- и фото-

съемка) подлежат применению судебными исполнителями «в порядке, установленном актами законодательства». Причины такой новации абсолютно непонятны. Ведь освобождение судебного исполнителя от обязанности соблюдать требования законодательства, предъявляемые к использованию технических средств, может привести к нарушению прав сторон исполнительного производства и иных лиц. Анализируемая новелла приобретает еще более курьезный характер, если учесть, что в аналогичной норме ч.5 ст. 485 ГПК и абз.19 п.29 Положения об органах принудительного исполнения указанное условие применения судебным исполнителем технических средств – «в порядке, установленном актами законодательства» – продолжает сохраняться.

Список использованных источников:

1. Скобелев, В.П. Исполнительное производство по-новому: проблемы и перспективы развития / В.П. Скобелев // Право.by. – 2015. – №2. – С. 76-82.
2. Скобелев, В.П. Реформа исполнительного производства в Республике Беларусь / В.П. Скобелев // Науч. тр. / Рос. акад. юрид. наук; редкол.: А.К. Голиченков [и др.]. – Вып. 15. – М.: ООО «Изд-во «Юрист», 2015. – С. 905-909.
3. Скобелев, В. Новеллы исполнительного производства по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2015. – №3. – С. 37-41.
4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении жалоб на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя вышестоящим органом принудительного исполнения (вышестоящим должностным лицом): письмо Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 марта 2014 г. №03-2-23/260 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 347.921

**МЕДИАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Л.П. Станишевская,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин БГЭУ (Минск), кандидат исторических наук, доцент

В гражданском обществе человек воспринимается как активный субъект, способный самостоятельно отстаивать свои права и интересы. Режим диалога становится определяющим для жизни в таком обществе. В связи с этим сегодня наряду с проблемой защиты прав и свобод человека остро встал вопрос о разрешении конфликтов путем перехода от состязательности к сотрудничеству. Появление альтернативных процедур - объективная потребность современной правовой системы. Одной из инновационных форм защиты прав и законных интересов субъектов правовых отношений выступает медиация.

Медиацию относят к т.н. способам альтернативного разрешения споров, причем в западноевропейских странах она воспринимается как альтернатива государственному и арбитражному (третейскому) судопроизводству.